

ПРАВОТВОРЧЕСТВО, ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА

В.И. КОРНЕВ

ГУ «Институт региональной политики и законодательства»

e-mail: Kor-nevvi@yandex.ru

В статье обосновывается необходимость исследования проблем процессуальной, материальной и реальной справедливости, а также специфики отражения названных категорий в законодательстве РФ.

Ключевые слова: правотворчество, правоприменение, теория справедливости, содержание правовых норм.

Правотворчество является одной из важнейших форм деятельности любого государства по реализации его функций. В современный период развития общества и государства вопросы совершенствования правотворческой деятельности приобрели первостепенное значение. И поэтому вовсе не случайно эта проблема обсуждается не только учеными, но и публицистами¹. В целом можно отметить, что наблюдается смещение акцентов с проблем правоприменения к проблемам правотворчества. В этом факте содержится вполне определенный смысл, т.к. проще не допустить недочетов при разработке и принятии законом, нежели исправлять их после того как они вступят в силу и начнут применяться на практике.

Конечно, совсем исключить факты принятия некачественных нормативных правовых актов, задача практически не выполнима. Ведь даже если допустить, что принят идеальный во всех отношениях закон, то по истечении определенного времени вполне может обнаружиться его несоответствие существующим потребностям. Нормативный правовой акт нужно будет корректировать с соблюдением установленных процессуальных требований, либо путем целенаправленного формирования правоприменительной практики. Однако, несмотря на чрезвычайно важное значение этой стороны дела, не об этом будет идти речь.

В настоящей работе мы, прежде всего, обращаем главное внимание на роль и значение для правотворчества такой фундаментальной категории как справедливость, которая по идее и должна определить сущность, значение и качество правотворческого процесса и его результатов, т.е. способствовать принятию таких актов, которые по своему содержанию наиболее адекватно отражают систему ценностей, исторически присущих нашему обществу. На основе этого исследовать причины появления в нашей стране таких законов, которые по характеру содержащихся в них предписаний не только не способствуют формированию режима законности, а, напротив, подрывают веру граждан России в построение институтов правового государства, торжество социальной справедливости и возможность принятия справедливых законов.

В процессе правотворчества решается ряд важнейших для общества, государства и личности задач. На его этапах и стадиях происходит согласование существующих в обществе интересов, разрешается вопрос тех взаимоотношений и взаимозависимостей, которые существуют между идеологией, политикой и правом. Конечным итогом правотворчества является позитивация и легитимация нормативных представлений, сформировавшихся в общественном или групповом правосознании, преобразование их в официальные нормативные предписания.

Значение правотворчества состоит так же и в том, что по – существу своему происходит творение иной реальности, т.е. того, что мы называем юридическим миром. Процесс правотворчества завершается актом производства новых смыслов. Они-то и составляют сущность и содержание юридического мира, юридической (правовой) реальности.

¹ См.: Яшманов Б. Ошибка в законе. Эксперты бьют тревогу: каждый седьмой акт нуждается в поправлении // Российская газета. №275 (4558). 7 дек. 2007.

Правоприменение по отношению к правотворчеству представляет вторичное, последующее явление. Правоприменитель имеет под руками тот нормативный материал, который создал для него правотворец.

Важно заметить то, что правотворческий орган создает право не только по форме, но и вкладывает в эту форму определенное содержание, выражающееся в характере и направленности нормативных предписаний. Этот факт нужно иметь в виду, ибо судья, например, применяя соответствующую норму права к конкретному случаю, не обязан и не должен вдаваться в ее оценку с позиций соответствия принципа справедливости, моральности и т.д. Даже если правоприменительный орган, основываясь на личных убеждениях и внутреннем правосознании, приходит к выводу о несправедливости тех или иных нормативных предписаний, обязан применить их и, тем самым, разрешить дело. «Профессиональный долг судьи, – писал Густав Радбрух, – заключается в том, чтобы приводить в действие «волю действия», заложенную в законе, жертвовать собственным правовым чувством во имя высшего авторитета закона. Ему надлежит спрашивать лишь о том, что соответствует закону, и никогда о том, является ли это одновременно «справедливым»².

Эта формула Г. Радбруха приложима к современной правовой действительности, в том числе и к российской. Хотя справедливости ради следует заметить то, что после разгрома фашистской Германии, немецкий философ права отказался от такой трактовки соотношения действующего позитивного права и его применения, поскольку признал ошибочность и политическую опасность теории юридического позитивизма. В этот период Г. Радбрух окончательно переходит на позиции естественного права, признавая право судьи отказаться от выполнения тех действующих законов, которые столь вопиюще не совместимы со справедливостью, что фактически полностью её отрицают.

Современная российская Конституция и действующее законодательство предписывают, что при решении конкретных дел строго должен соблюдаться принцип законности. Российское законодательство не знает права, например, судьи отказаться в определенных случаях от применения того или иного закона в силу его противоречия справедливости, моральным установкам и т.д.

Отсюда возможно возникновение коллизий между внутренним убеждением правоприменителя и содержанием действующего позитивного права. В процессе правоприменения разрешить эти коллизии не представляется возможным. Хотя «... эта операция отнюдь не является механической, линейной, автоматической ... Мы имеем дело со смесью аргументации и интерпретации, когда первое слово обозначает логическую сторону процесса, дедукцию или индукцию, а второе слово ставит акцент на изобретательность, оригинальность, творчество. Эта смесь заслуживает называться применением: применить правило к случаю или найти правило для случая – в обоих случаях это и есть производство смысла»³. На ограниченность формального, абстрактного подхода к пониманию правоприменительного процесса обращается внимание и в отечественной юридической мысли. Например, еще А.Д. Градовский писал: «Применение закона к отдельным случаям, подлежащим судебному разбирательству, не может быть деятельностью пассивной. Каждый отдельный случай, взятый непосредственно из практической жизни, представляет столько индивидуальных черт, что судья должен иметь не мало теоретических и практических сведений для определения того, какой закон относится к данному делу»⁴.

Современный исследователь проблем судебной власти В.В. Ершов отмечает: «Классическое понимание процесса применения права всегда заключалось в подведении конкретных общественных отношений под абстрактные нормы права по методу логического умозаключения-силлогизма, в котором роль большой посылки играло правило, а меньшей – конкретный казус. Вместе с тем такая формальная конструкция

² Радбрух Густав. Философия права. Пер. с нем. – М., 2004. С.100.

³ Рикёр Поль. Справедливое. Пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. Послесловие Э. Шлюссер. – М., 2005. С.255-256.

⁴ Градовский А.Д. О судебном толковании по русскому праву // Собр. соч. в 9-ти томах. Т.7. – С. Петербург, 1907. С.XXII.

показала свою не жизнеспособность, поскольку не отражает всей действительной глубины и сложности правоприменительной деятельности судей»⁵. Однако даже несмотря на признание творческого характера правоприменения в процессе этой интеллектуальной деятельности невозможно изменить содержание подлежащих реализации правовых предписаний. Конечно, судья, безусловно, будет оценивать норму, но результаты такой оценки не повлекут за собой никаких юридически значимых последствий и не отразятся на окончательном решении дела.

Судья обязан действовать и принимать решение в рамках, заданных ему законом: процессуальным и материальным.

Судья или иной правоприменитель имеют ограниченное право выбора, которое по своей природе является формальным, поскольку лицо или орган, применяющий право, не является полностью свободным ни в выборе средств аргументации, ни в выборе приемов интерпретации. Правила аргументации заданы процессуальным законодательством: относимость, допустимость доказательств и т.д. Приемы, способы и виды интерпретации (толкования) нормативных предписаний также определены и хорошо известны: грамматический, логический, легальный и др. Ему также дана правовая норма, которую следует применить. Судья осознанно реализует уже содержащееся в законе оценочное суждение.

Следуя этим правилам, суд или иной правоприменительный орган обязан разрешить конкретное дело и принять справедливое решение. Справедливость решения имеет двойственную юридическую природу: процессуально-правовую и материально-правовую.

Действующее российское законодательство закладывает основы реализации принципа процессуальной справедливости. Этот вывод вытекает из анализа соответствующих норм материального и процессуального права Российской Федерации. Осуществление принципа процессуальной справедливости состоит как раз в том, чтобы соблюсти требования процессуальным формам применения норм материального права безотносительно к характеру их содержания. Например, в ст.5 УК РФ «Принцип справедливости» описывается не то, что следует понимать под понятием справедливости норм уголовного права, а как необходимо применять эти нормы с тем, чтобы достичь целей справедливого наказания: «1. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Содержание этой статьи УК РФ вполне гармонирует с предписаниями ст.6 УПК РФ: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания (подчеркнуто мной – В.К.) в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства ...». В целом, анализ статей российского законодательства (уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское и т.д.), в которых находит свое закрепление термин «справедливость», позволит сделать вывод о том, что ему придается значение не материальной, а процессуальной справедливости, поскольку во главу угла всякой юридической деятельности поставлено достижение цели принятия справедливого решения. За пределами внимания остаются требования к обеспечению справедливости самих законов, подлежащих применению.

Отсюда следует, что суждения тех ученых-юристов, которые пытаются возвести справедливость в ранг общеправового принципа, закрепленного в действующем российском законодательстве, необоснованными. Для такого оптимистического вывода нет никаких нормативных оснований, в том числе и конституционно-правовых, поскольку ни в одной статье Конституции РФ 1993г. в отличие, например, от Конституции ФРГ (ст.1), мы не находим прямого упоминания слова «справедливость». С чем это связано – остается только догадываться. В современных отечественных исследованиях по проблемам справедливости и права весьма часто происходит смешение понятий процессуальная и материальная справедливость и рассуждения зачастую ведутся

⁵ Ершов В.В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. – 2006. – №5. – С. 4-13.

именно в русле процессуального понимания справедливости⁶, которое, как уже было ранее показано, действительно находит свое выражение в нормах различных отраслей системы российского права. Как раз в силу обнаружения указанных особенностей мы поддерживаем позиции тех авторов, которые обоснованно считают, что как общий принцип правового регулирования общественных отношений справедливость не получила текстуального закрепления в правовых нормах⁷.

Таким образом, в концепции справедливости, о которой сейчас идет речь, главное внимание обращается исключительно на последствия применения правовых норм, т.е. на аспекты процессуальной справедливости. Такой подход, как было подчеркнуто выше, оставляет за скобками критерии оценки того, являются ли действующие нормы права действительно справедливыми. Здесь мы вплотную подходим к необходимости дополнения формальной (процессуальной) справедливости справедливостью материальной. Это необходимо для достижения цели воплощения реальной справедливости. Однако об этом несколько позже.

Что же касается идеи процессуальной (формальной) справедливости, то она не нова. Еще Платон выдвигал идею о том, что для принятия правильного и справедливого решения необходимо отыскивать соответствующую процедуру. Он же описал диалектический метод, при помощи которого философам удается познать природу блага (добра). Исходя именно из этих соображений Платон полагал, что наилучшими правителями государства являются философы⁸.

В настоящее время имеются две основные модели теории процессуальной справедливости. Во-первых, это договорная модель, в соответствии с которой справедливое распределение блага и прав определяется взаимно согласованной волей всех участников договора.

Во-вторых, судебная модель, суть которой состоит в том, что право и обязанность принятия решения возлагается на суд, который, являясь стороной в процессе, не имеет интереса в разрешаемом споре.

Исходя из названных основных моделей получили развитие теории процессуальной справедливости как совокупности специальных правил необходимых для регулирования процессов принятия решений, осуществления по возможности свободного, лишённого какого-либо принуждения, разумного дискурса.

Современная форма концепции процессуальной справедливости выражена в теории аргументации принятия справедливого решения. Она формулирует условия, при наличии которых дискурс способен привести к наиболее приемлемому консенсусу. Философским основанием теории процессуальной справедливости является коммуникативный подход к исследованию государственно-правовых явлений Ю. Хабермаса⁹.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, которое составляет наряду с другими, названными нами выше, определяющее значение для деятельности правоприменительного органа. Мы имеем ввиду существование презумпции легитимности закона или иного нормативного правового акта подлежащего применению. С формально-юридической точки зрения легитимным является закон, который, во-первых, не противоречит действующей в стране Конституции, а, во-вторых, когда он принят с соблюдением соответствующих законотворческих процедур. Мы считаем, что это важно, но недостаточно для легитимности закона. При таком понимании легитимации совершенно не затрагиваются сущностные, содержательные аспекты закона. Ведь в закон могут быть возведены античеловеческие предписания, что в истории было отнюдь не редкостью. Поэтому «... даже будучи принятым в соответствии с установленной процедурой и рамках компетенции законодательного органа, закон может не со-

⁶ См.: Аширова Л.М. Проблема реализации принципа справедливости в уголовном процессе. – М., 2007. С.31 и др.

⁷ См.: Зайцев С.А. К вопросу о понятии справедливости // Вестник Омского университета. 1999. №4. С.148-151.

⁸ См.: Платон. Диалоги. – М., 2005.

⁹ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995.

ответствовать господствующим в обществе представлениям о справедливости»¹⁰. Именно подобную картину мы наблюдаем в сегодняшней практике правотворческой деятельности как федеральных, так и региональных законодательных органов. Для них важно соблюдение формальных требований и принципов правотворчества. Вопрос легитимности решается голосованием большинства в Государственной Думе, которое действует по принципу: «Я знаю, чего хочет народ». На поверку получается то, что в качестве ориентиров правотворчества оказываются не воли народа и его интересы, не реализация принципов справедливости и морали, а политические, экономические интересы людей находящихся во власти. Правотворческий процесс рассматривается ни как процедура формирования мнений и воли народа, а как легитимация интересов и юридических представлений узкого круга людей, на данный момент оказавшимися победителями в борьбе за власть. В сегодняшней России такими победителями могут оказаться любые силы, кроме действительных представителей интересов народных масс, чему не в последней степени способствует действующее избирательное законодательство. Социологические исследования, проведенные 2000г. институтом социально-политических исследований РАН показали следующее. На вопрос: в чьих интересах принимаются законы РФ, были получены весьма красноречивые, вызывающие на размышление результаты.

Решения принимаются в интересах: богатых людей – 20.7%; новой номенклатуры – 31.4%; мафиозных групп – 20.5%; всего народа – 2.9%¹¹.

Эти данные свидетельствуют о том, что принимаемые законы не обладают должной легитимностью, не отражают принципов и требований материальной справедливости и не всегда выражают общую волю народа. Они также дают толкования для вывода о массовом проявлении в нашем правотворчестве правового субъективизма.

Поэтому можно согласиться с утверждением, что «в современных государственных решениях у нас абсолютно преобладает политическая составляющая, т.е. борьба групповых интересов. Носителями особых интересов являются: за пределами растущий класс бюрократии, противостоящее ему предпринимательское сообщество, политический класс (федеральное депутатство), едва ли представленная в политике беднота и др. Теперь уже не скрывают, что за многими законами стоят интересы различных группировок, проводящих влияние стоящих за ними более широких слоев»¹². В этом контексте едва ли можно безоговорочно принять вывод о том, что «справедливость заложена в самом содержании права»¹³. Такое содержание необходимо еще целенаправленно сформировать в процессе правотворчества. Авторитет большинства сегодняшних законов основан исключительно только на факте установленности органом государства и обеспеченностью их принудительной силой государства. Можно сказать, что нормативные правовые акты подобной юридической природы только с формальной стороны могут именоваться законами. По существу своему это идеологически и политически ангажированные решения выражающие экономические и иные интересы узкого круга людей. Нередко они мало согласуются не только с представлениями о справедливости, сформировавшимися в общественном правосознании, но и с элементарными требованиями морали. Примеров таких законов масса. Наиболее известными из них являются Жилищный Кодекс РФ, Закон о монетизации льгот (ФЗ №121), Федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав и права граждан на участие в референдуме, дискуссия по вопросу законодательного решения отмены смертной казни и т.д.

Создается такое впечатление, что законодатели не слышат или не хотят слышать голоса своих избирателей. Обладание властью, по их глубокому убеждению, делает не нужным не только учет интересов общества, но и мнения ученых-юристов относительно того или иного законопроекта. Все решает так называемая «политическая

¹⁰ Теория государства и права. / Под ред. Манова Г.Н. – М., 1996. С.155-156.

¹¹ См.: Толстиков В.А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. №9. С.16.

¹² Пригожин А.И. Дезорганизация: причины, виды, преодоление. – М., 2007. С.46.

¹³ Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М.Сырых. – М., 2008. – С. 317.

воля», к помощи которой так любят прибегать сегодняшние правотворцы для того, чтобы, прикрывшись ею, добиться своей цели и «продать» нужный не обществу, а им лично закон. В этом смысле весьма показательной, по вполне понятным причинам, являются бурные баталии по вопросу законодательного решения вопроса об отмене в нашей стране смертной казни¹⁴.

Пресловутый ФЗ №121 принимался так спешно, что, по словам профессора Т.Х. Хабриевой, не был представлен на обязательную экспертизу в Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, директором которого она является¹⁵. И было от чего, т.к. мы знаем какую негативную реакцию в обществе вызвал этот закон. Особенной драматичностью отличается преамбула 121-го закона. При ознакомлении с ее содержанием приходит на ум мысль о том, что законодатели пытались убедить себя и граждан в том, чего нет на самом деле ни в принятом законе, ни в реальной действительности современного российского государства. Поэтому читать, а особенно понимать не только «простому» гражданину, но и специалисту в области государства и права то, что написано в этой преамбуле достаточно трудно. Приведем некоторые выдержки без каких либо комментариев.

Оказывается настоящим федеральный закон принимается «в целях защиты прав и свобод граждан Российской Федерации»... В законе «решаются также задачи обеспечения принципа равенства прав и свобод человека и гражданина», повышения материального благосостояния граждан, экономической безопасности государства ... и приведения системы социальной защиты граждан ... в соответствии с принципами правового государства с социально ориентированной экономикой.» Этот закон призван «реализовывать принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства путем сохранения стабильности правового регулирования; предоставить гражданам возможность в течение разумного переходного периода адаптироваться к вносимым в законодательство изменениям, в частности, посредством установления временного регулирования общественных отношений» и т.д.

Что ни пункт, то «откровение», апелляция к эфемерным, нигде нормативно не закрепленным принципам социально ориентированной экономики. Из преамбулы невозможно понять, что же все-таки является основным ориентиром для принятия данного закона. Нет не только ни слова о реализации принципа справедливости, но и самого этого слова.

Это говорит о том, что на практике отсутствует масштаб, при помощи которого можно было ответить на вопрос, какой закон является справедливым, а какой нет. И это не случайно, поскольку в России не разработано универсальное, общепринятое понятие справедливости, которое бы выполняло несколько функций, реализующихся в правовых отношениях. Применительно к нашему предмету исследования материальная справедливость в правотворчестве призвана выполнять роль этического стандарта, содержащихся в законе предписаний. Каждый законопроект должен, наряду с другими видами экспертиз, проходить экспертизу на предмет его соответствия принципам справедливости и морали. Принцип материальной справедливости и необходимость осуществления этической экспертизы должны быть закреплены в действующем законодательстве. Такая экспертиза может стать, по мнению ряда теоретиков государства и права, реальным средством предотвращения дискредитации и девальвации закона в представлении граждан России. Правовые предписания закона должны соответствовать общепринятым этическим ценностям. Законодатель всегда обязан руководствоваться ими. Только так возможно установление «высочайших правовых норм»¹⁶.

Следует согласиться с теми учеными, которые считают, что теория справедливости соответствует теории общества (Д. Роулз).

¹⁴ См.: Маргелов Михаил. Смертная казнь и политическая воля // Российская газета. №225 (4488). 2007. 10 октября.

¹⁵ См.: Российская газета. №275 (4538). 2007. 7 декабря.

¹⁶ См.: Мачин И.Ф. Правовая этика как наука // Теоретико-методологические проблемы права / Под ред. М.Н.Марченко. – М., 2005.

Наше общество характеризуется несправедливостью человеческих отношений. По мнению Б.Н. Кашникова – это общество не распределяет обязанностей на всех. Есть группы, которые имеют многочисленные привилегии, не имея обязанностей; это общество принимает (реально, а не на словах) во внимание интересы не всех, а лишь избранных групп; интересы немногих получают произвольное и необоснованное преимущество по сравнению с другими; отсутствует общепризнанная, общезвестная и действующая, закреплённая в Конституции и иных нормативных правовых актах, концепция справедливости; не всегда обеспечиваются даже минимальные права человека¹⁷.

Таким образом, сегодняшняя Россия крайне нуждается, позволим себе повториться, в общепризнанной, общезвестной и действующей, закреплённой в Конституции и других нормативных правовых актах, концепции материальной справедливости, которая бы выступала мерилом, стандартом для определения качества принимаемых законов. В других странах эта проблема в основных ее аспектах решена¹⁸. В юридической науке России труды таких ученых-юристов как Г.В. Мальцев, А.И. Экимов, В.С. Нерсисянц, О.В. Мартышин и других вполне могли бы составить теоретический фундамент разработки концепции справедливости в ее соотношении с правом. Необходимо переломить тенденцию терпимости общества к несправедливости и фактам расхождения между законом (правом) и справедливостью. Без этого не преодолеть такое явление как правовой нигилизм и другие недуги нашей правовой действительности. Достижение реальной справедливости невозможно без наличия законов, отвечающих требованиям материальной справедливости.

Конечно же, на качество законов влияют и другие факторы, например, свобода. Однако это тема для отдельного исследования.

Список литературы

1. Яшманов В. Ошибка в законе. Эксперты бьют тревогу: каждый седьмой акт нуждается в поправлении // *Российская газета*. №275 (4558). 7 дек. 2007.
2. Радбрух Густав. Философия права. Пер. с нем. – М., 2004.
3. Рикёр Поль. Справедливое. Пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. Послесловие Э. Шлоссера. – М., 2005.
4. Градовский А.Д. О судебном толковании по русскому праву // *Собр. соч.* в 9-ти томах. Т.7. – С.Петербург, 1907.
5. Ершов В.В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические проблемы // *Российское правосудие*. 2006. №5.
6. Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе. – М., 2007.
7. Зайцев С.А. К вопросу о понятии справедливости // *Вестник Омского университета*. 1999. №4.
8. Платон. Диалоги. – М., 2005.
9. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995.
10. Теория государства и права. / Под ред. Манова Г.Н. – М., 1996.
11. Толстик В.А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // *Государство и право*. 2004. №9.
12. Пригожин А.И. Деорганизация: причины, виды, преодоление. – М., 2007.
13. Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М.Сырых. – М., 2008.
14. Маргелов Михаил. Смертная казнь и политическая воля // *Российская газета*. №225 (4488). 2007. 10 октября.
15. *Российская газета*. №275 (4538). 2007. 7 декабря.
16. Мачин И.Ф. Правовая этика как наука // *Теоретико-методологические проблемы права* / Под ред. М.Н.Марченко. – М., 2005.

¹⁷ См.: Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // *Вопросы философии*. 2004. №2. С.31-41.

¹⁸ См.: Cohen F.S. *Ethical Systems and Legal Ideals*. Ithaca – New York, 1959; Perelman Ch. *The Idea of Justice and Problem of Argument*. New York, 1963; Ллойд Денис. *Идея права*. – М., 2007 и др.

17. Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. 2004. №2.
18. Cohen F.S. Ethical Systems and Legal Ideals. Ithaca – New York, 1959; Perelman Ch. The Idea of Justice and Problem of Argument. New York, 1963; Ллойд Деннис. Идея права. – М., 2007

CREATION, APPLICANCE AND MAINTENANCE OF RIGHT

V.V. KORNEV

OB «Institute of a regional policy and the legislation»

e-mail: Kornev1@yandex.ru

In article necessity of research of problems of remedial, material and real justice, and also specificity of reflexion of the named categories for the legislation of the Russian Federation is proved.

Keywords: lawmaking, law applying, the justice theory, the maintenance of rules of law.